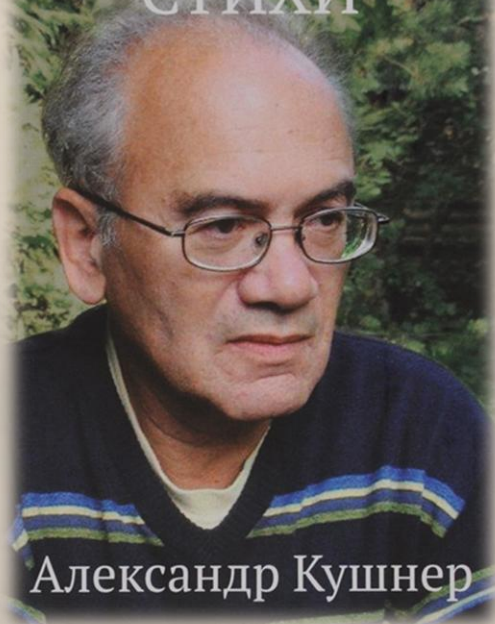

Александр Кушнер

«Времена не выбирают...»

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Кушнер — удивительный и уникальный поэт. Его удивительность в том, что, будучи лириком до мозга костей, он живет вместе с нами в глухое и совершенно невосприимчивое к стихам (особенно к лирике) время и продолжает писать, как будто не замечая этой ватной глухоты.

Иосиф Бродский о Кушнере:

«Александр Кушнер — один из лучших лирических поэтов XX века, и его имени суждено стоять в ряду имен, дорогих сердцу всякого, чей родной язык русский.

Стихам Кушнера присуща сдержанность тона, отсутствие истерики, широковещательных заявлений, нервической жестикуляции. Он скорее сух там, где другой бы кипятился, ироничен там, где другой бы отчаялся. Поэтика Кушнера, говоря коротко, поэтика стоицизма.

Поэзия суть существование души, ищущее себе выхода в языке, и Александр Кушнер тот случай, когда душа обретает выход».

XX век в России прошел под знаком великих катастроф. Александр Кушнер считает, что осознание трагического опыта и некоторые выводы, сделанные из него — вот то главное, что составляет смысл его поэзии.

Жалобы на жизнь, на ее бессмыслицу, так же как романтическое противопоставление поэта толпе представляются ему глубоко архаическими, малопродуктивными.

“Ты не доволен жизнью, предъявляешь претензии к мирозданию, мечтаешь «вернуть творцу билет» — нет ничего проще: миллионы «убитых задешево», как сказал Мандельштам, — с удовольствием поменялись бы с тобой судьбой, временем и местом.

XX век в России научил человека (и поэта) дорожить простыми вещами: теплом парового отопления, постельным бельем, книгами на книжной полке, разговором с другом по телефону, женской улыбкой — всё это в любую минуту могли отнять и отнимали у тысяч людей.

«Когда б я родился в Германии в том же году,
Когда я родился, в любой европейской стране:
Во Франции, в Австрии, в Польше, — давно бы в аду
Я газовом сгинул, сгорел бы, как щепка в огне,
Но мне повезло — я родился в России, такой,
Сякой, возмутительной, сладко не жившей ни дня
Бесстыдной, бесправной, замученной, полунагой,
Кромешной — и выжить был все-таки шанс у меня».

Вопрос заключается не в том, есть ли смысл в жизни и стоит ли жить, а в том, как достойно прожить эту жизнь, реализовать, несмотря ни на что, свои способности.

Кто-то позаботился о том, чтобы так заманчиво и ярко сверкали весенние облака, так пышно цвела сирень, так ритмично шумели морские волны, так много значила земная любовь”.

Еще одной важной темой для Кушнера всегда было время, вернее времена, которые не выбирают. Какая выразительная метафора: «время – кожа, а не платье». Мы часто идеализируем минувшие времена, забываем об их недостатках, мечтаем пожить в прошлых веках. Но почему-то не задумываемся, что могли бы попасть, например, в крошечные годы правления Ивана Грозного:

*«Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.*

...

*Крепко тесное объятье.
Время — кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас — его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять».*

«Стихи – это интимный разговор с читателем на темы любви, жизни, смерти».

Поэзия — не выдумка поэта: поэт извлекает ее из мирового хаоса, из сырого материала жизни, озвучивает и закрепляет ее в слове.

Устаревший жанр поэтического эпоса, поэму с ее повествовательной интонацией и заранее обдуманном сюжетом вытеснила проза Толстого, Достоевского, Чехова, Пруста. Появился новый жанр лирической поэзии. Книга стихов, в обход эпоса, дает сегодня возможность поэту создать наиболее полную, осмысленную картину современной жизни.

Лирика — душа искусства, в направлении лирики вот уже несколько веков движется не только поэзия, но и проза, и живопись, и музыка.

Лирика — защитник человека в бесчеловечном мире. И это — тоже один из главных уроков трагического XX века.

«Поэзия – переливание крови
Шекспировской и пушкинской в того,
Кто держит ветхий томик в изголовье
Унынья и упадка своего,
Поистине запас гемоглобина,
Горячих кровяных приток телец –
И исковская пылает в них малина,
И стратфордских кленовых роц багрец.

Поэзия – ты то же, что здоровье.
Я сделал бы такой доклад назло
Собравшимся, болезни и злословью
Приверженным и тайное тепло
Отвергнувшим; увы, плохой оратор,
Смущаясь, я рискнул бы заявить,
Что лучшие стихи – аккумулятор
Энергии. И жизни, стало быть».

Лидия Гинзбург о Кушнере:

С конца XVIII века основной формой интимной лирики стала элегия с обязательной темой неблагополучной любви, разлуки, быстротечности жизни и ее радостей. Основная лирическая форма изначально предполагала меланхолическую тональность. В лирике редко писали о счастливой любви — эта тема не имела традиции.

Вразрез с господствующей традицией лирики Кушнер в «Дневных снах» пишет о счастливой любви. Да, любовь у него тревожна. Счастливая любовь, как всякое счастье и красота, конечна; они принадлежат миру, полному опасностей, трудностей и противоречий.

*«Страх и трепет, страх и трепет, страх
За того, кто дорог нам и мил...
С самой жаркой, кровной стороны,
Уязвимо-близкой, дорогой —
Как мы жалки, не защищены,
Что за счастье, вечный страх какой»!*

«Дневные сны» рассказывают о счастье жизни и о неутрачиваемой за него тревоге.

В свое время Кушнер принял волевое решение – он решил отказаться от русской поэтической традиции нытья, и у него начался примерно с «Таврического сада» период лирики счастливой.

В отличие от Бродского, который замечательно артикулировал презрение, надменность, одиночество, Кушнер не побоялся стать счастливым.

В русской поэзии (и вообще в поэзии) несчастные всегда находятся в преимущественном положении, в сильной позиции, а он не побоялся заявить:

*«Нет ли Бога, есть ли Он, — узнаем,
Умерев, у Гоголя, у Канта,
У любого встречного, — за краем.
Нас устроят оба варианта».*

Это гармоническое примирение с миром отметила Лидия Гинзбург в рецензии на кушнеровский сборник «Дневные сны».

Это действительно дневные счастливые сны, поэзия петербургского лета. Петербург ведь не только город тружеников, а это город рекреаций, садов, фонтанов, свободного времени, больших воздушных пространств, невской перспективы.

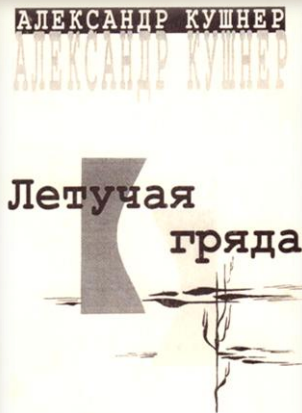
«Кушнеровская радость —
смиренная, благодарная, полна
тонко чувствуемого,
неотступного трагизма бытия».

В очень многих его стихах всё
громче, всё трагичнее, всё
надрывнее звучит лирическая,
неописуемая, иррациональная
нота глубокой, почти детской
тоски!

«Больной неизлечимо
Завидует тому,
Кого провозят мимо
В районную тюрьму.

А тот глядит: больница.
Ему бы в тот покой
С таблетками, и шприцем,
И старшею сестрой».

«...А в-третьих, в-третьих —
Смерть друзей,
Обычный ужас жизни всей,
Любовь и слёзы без ответа,
Ожесточение души,
Безмолвный крик в ночной тиши
И «скорой помощи» карета».

Его радость всегда не более
чем фигура прикрытия.
Потому что под этой тонкой
коркой, под этой бронёй
тонкой и бумажной всегда
бьётся, клокочет трагическая
лава жизни.

«В декабре я приехал проведать дачу.
Никого. Тишина. Потоптался в доме.
Наши тени застал я с тоской в придачу
На диване, в какой-то глухой истоме.
Я сейчас заплачу.
Словно вечность в нездешнем нашёл альбоме.

Эти двое избегли сентябрьской склоки
И октябрьской обиды, ноябрьской драмы;
Отменяются подлости и наскоки,
Господа веселяют, добреют дамы,
И дождя потоки
Не с таким озлоблением лизут рамы.

Дверь тихонько прикрыл, а входную запер
И спустился во двор, пламеневший ало:
Это зимний закат в дождевом накрапе
Обречённо стоял во дворе, устало.
Сел за столик дощатый в суконной шляпе,
Шляпу снял – и ворона меня узнала».

Дмитрий Сергеевич Лихачёв о Кушнере:

«Петербург— это особая и далеко не простая тема. Его прошлое содержит немало классических трагедий, — трагедий, разворачивающихся на фоне классической архитектуры. И он отнюдь не только европейский город, он стоит на перепутье между Европой и Азией. Среди прямых улиц вьются каналы, среди дворцов и особняков лепятся друг к другу доходные дома. Поэт открывает в городе совсем не то, что, например, замечает в нем приезжий.

*«И плачет он меж Невкой и Невой,
Вблизи трамвайных линий и мечети,
Но не отдаст недуг сердечный свой,
Зарю и рельсы блестящие эти
За те края, где льется ровный свет,
Где не стареют в горестях и зимах.
Он и не мыслит счастья без примет
Топографических, неотразимых».*

Лирический сюжет в стихах Кушнера прочно прикреплен к сегодняшнему городскому пейзажу и немыслим без него. По этим улицам мы ходим, в этих старых и новых районах живем.

Подробности делают поэзию убедительной. Человек в стихах Кушнера не представляет себе жизни и судьбы вне этих конкретных, любимых с детства реалий».

Поэзия лирических стихов, не поэм, не описаний, стала кратчайшим расстоянием между поэтом и его читателем (именно читателем, ибо громко декламировать его стихи нельзя: Кушнер не для эстрады).

*«Кратчайший путь — стихотворение
Меж нами»...*

Мир предстает в стихах Кушнера не упрощенным, не сглаженным, он требует от человека мужества в отстаивании добра и общечеловеческих ценностей.

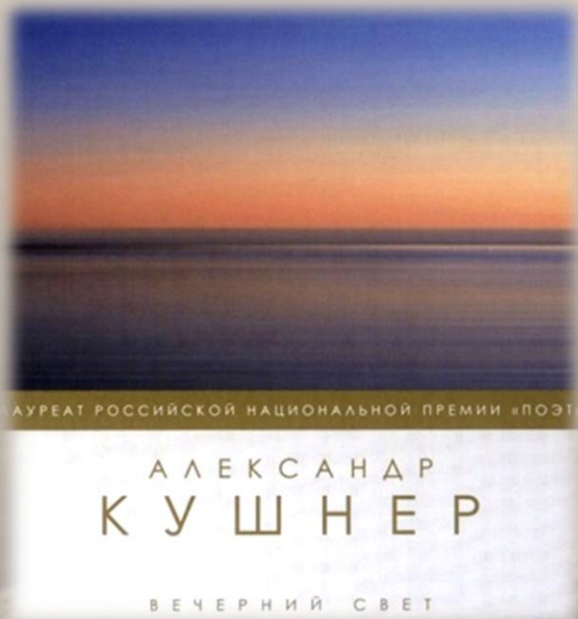
*«...Мигают звезды на приколе.
Россия, опытное поле,
Мерцает в смутном ореоле
Огней, бегущих в стороне.
О чем ночные наши мысли?
Боюсь сказать: о смысле жизни.
Но жизнь, в каком-то главном смысле,
Акт героический вполне».*

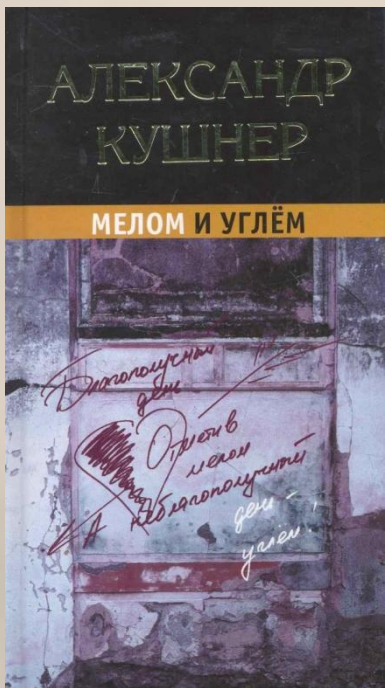
«Вечерний свет» и «Времена не выбирают» - не просто сборники, а книги стихов.

Книга стихов - это не случайное, а продуманное соседство стихов, взявшихся за руки, поглядывающих друг на друга, ведущих, можно сказать, хоровод.

Книга стихов - это сравнительно молодой поэтический жанр, пришедший на смену поэме. Стихи в такой книге воссоздают объемную панораму жизни и при этом не утрачивают своей самостоятельности, лирической естественности и сюжетного разнообразия.

«Не знаю, есть ли в книге особая «красная нить», но может быть, смысл книги прочитывается в ее названии. Да, вечер жизни, но пронизанный, позолоченный ярким, горячим вечерним светом, который я так люблю. В этом свете жарко пылают фасады городских зданий, загородные сосны с их красными стволами, виден каждый цветок на жасминовом кусте, каждый камешек на дороге, отбрасывающий длинную, узкую тень».

Кушнер — один из самых известных и чтимых русских поэтов. Он не останавливается в росте и не перестаёт меняться.

Его новая книга «Мелом и углем» — еще один новый Кушнер, удивляющий на этот раз не только скепсисом относительно перспектив искусства в новом мире, но и серьезным вниманием к советской эпохе.

Не оправдывая и не идеализируя ее, он призывает не отвергать опыт русского XX века — уникальный, бесценный.

И к самой России, кажется, относится так же: жизнь здесь не особенно комфортна, но такого масштаба испытаний, страстей и открытий не найдешь нигде.

«Век был страшным, трагическим, убийственным, но я не соглашусь считать его проигранным.

Век прожит, он дал великий опыт, важный не только для России, но и для всего мира, как будто на нас была отработана и выведена новая вакцина, способная спасти других от страшной болезни».

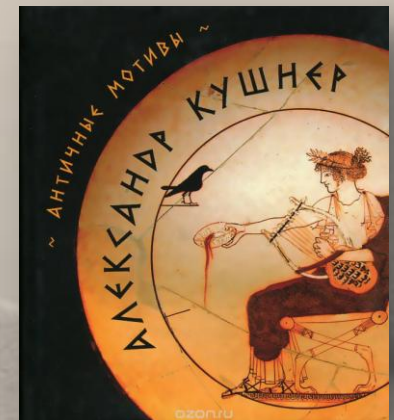
«Рембрандтовские старики с их морщинами, с их мудрым, печальным, а то и трагическим взглядом на мир мне дороже Веласкеса или Гейнсборо».

«Тебе достался лев. Ты справился с задачей.
Никто не виноват, что детство на войну
Пришлось, что пастью век дышал в лицо горячей,
Что жесткую тебе подкинули страну,
Что мрачные в ночах одолевали мысли,
Что грозный этот лев с козленком не дружил.
А все же царь зверей! И кое-что о жизни
Ты понял лучше тех, кто уточку сложил.»

Оглядываясь на прожитую жизнь, вижу, что родиться в двадцатом веке и прожить его имело смысл.

«А вы поэт какого века?
Подумав, я сказал, что прошлого.
Он пострашнее печенега,
Но, может быть, в нем меньше пошлого.
И, привыкая к новым ценникам,
Сойду под тень того сельмага,
Где стану младшим современником
Ахматовой и Пастернака».

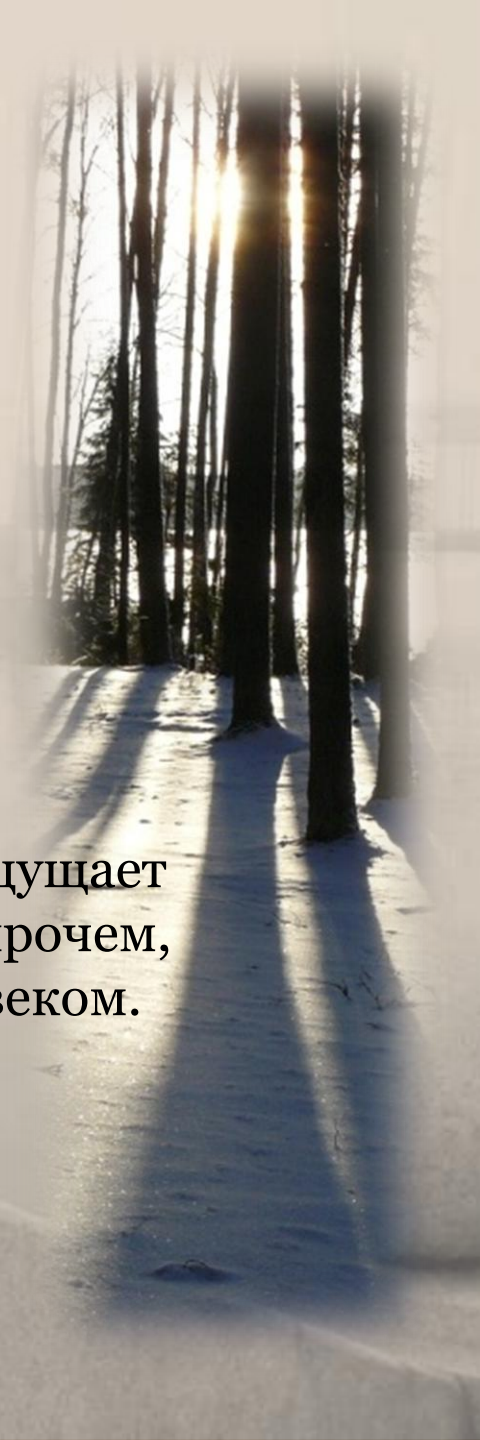

«Человек имеет право на самостоятельное мышление. Никто не вправе навязывать ему религию, это его личное дело, его совести, его ума. Он может не принадлежать ни к какой церкви и в то же время быть человеком, говорящим с Богом. И вот такой - не оформленный ни в какие церковные одежды – разговор мне понятен и близок».

*«Верю я в Бога или не верю в бога,
Знает об этом вырицкая дорога,
Знает об этом ночная волна в Крыму,
Был я открыт или был я закрыт ему».*

Жизнь – это подарок. Поэт остается поэтом, пока он ощущает чувство загадочности жизни, ее непредсказуемости. Впрочем, это условие для любого человека, чтобы остаться человеком.

*«Придешь домой, шурша плащом,
Стирая дождь со щек:
Таинственна ли жизнь еще?
Таинственна еще!»*

«Поэзия – это наша память о том, какой бывает жизнь в лучшие свои минуты».

Куст сирени, тень, прохлада – таков «общий замысел». И вот что ему в этом замысле открылось:

«Какое чудо, если есть
Тот, кто затеплил в нашу честь
Ночное множество созвездий!
А если все само собой
Устроилось, тогда, друг мой,
Еще чудесней!»

Кажется, только Кушнер из всех серьезных поэтов мог с такой простодушной насмешкой решить двухтысячелетнюю проблему человеческой «покинутости», «Богооставленности» на земле:

«Всё нам Байрон, Гете, мы, как дети,
Знать хотим, что думал Теккерей.
Плачет Бог, читая на том свете
Жизнь незамечательных людей».

«Сентябрь выметает широкой метлой
Жучков, паучков с паутиной сквозной,
Истерзанных бабочек, ссохшихся ос,
На сломанных крыльях разбитых стрекоз,
Их круглые линзы, бинокли, очки,
Чешуйки, распорки, густую пыльцу,
Их усики, лапки, зацепки, крючки,
Оборки, которые были к лицу.

...

Прощай, моя радость! До кладбища ос,
До свалки жуков, до погоста слепней,
До царства Плутона, до высохших слез,
До блеклых, в цветах, элизейских полей!»

Вот он – «счастья неприбранный вид». Такую поэзию мы воспринимаем не только умом и воображением, но и глазами, кожей, слухом, всеми органами чувств.

«Без быта нет жизни, – говорит он в интервью, – быт и бытие – слова однокоренные. Считающий себя выше быта просто перекладывает часть своей ноши на плечи близких, а сам идет налегке. Любить эту сторону жизни трудно, но и презирать ее глупо».

«Чтобы радоваться, надо ведь иногда очень немного. Достаточно никуда не спешить, или ненадолго перестать бояться, или получить от Бога внезапную милость. И тогда стихи приходят как благодарные слёзы.

"Стихи — архаика. И скоро их не будет»?..

Но сегодня не до благодарных слёз. Вот говорят: поэзии нет, потому что она не нужна. Неправда это! Она нужна как воздух, потому что поэзия — концентрат силы и счастья, а в нашем анемичном обществе и то, и другое в огромном дефиците».

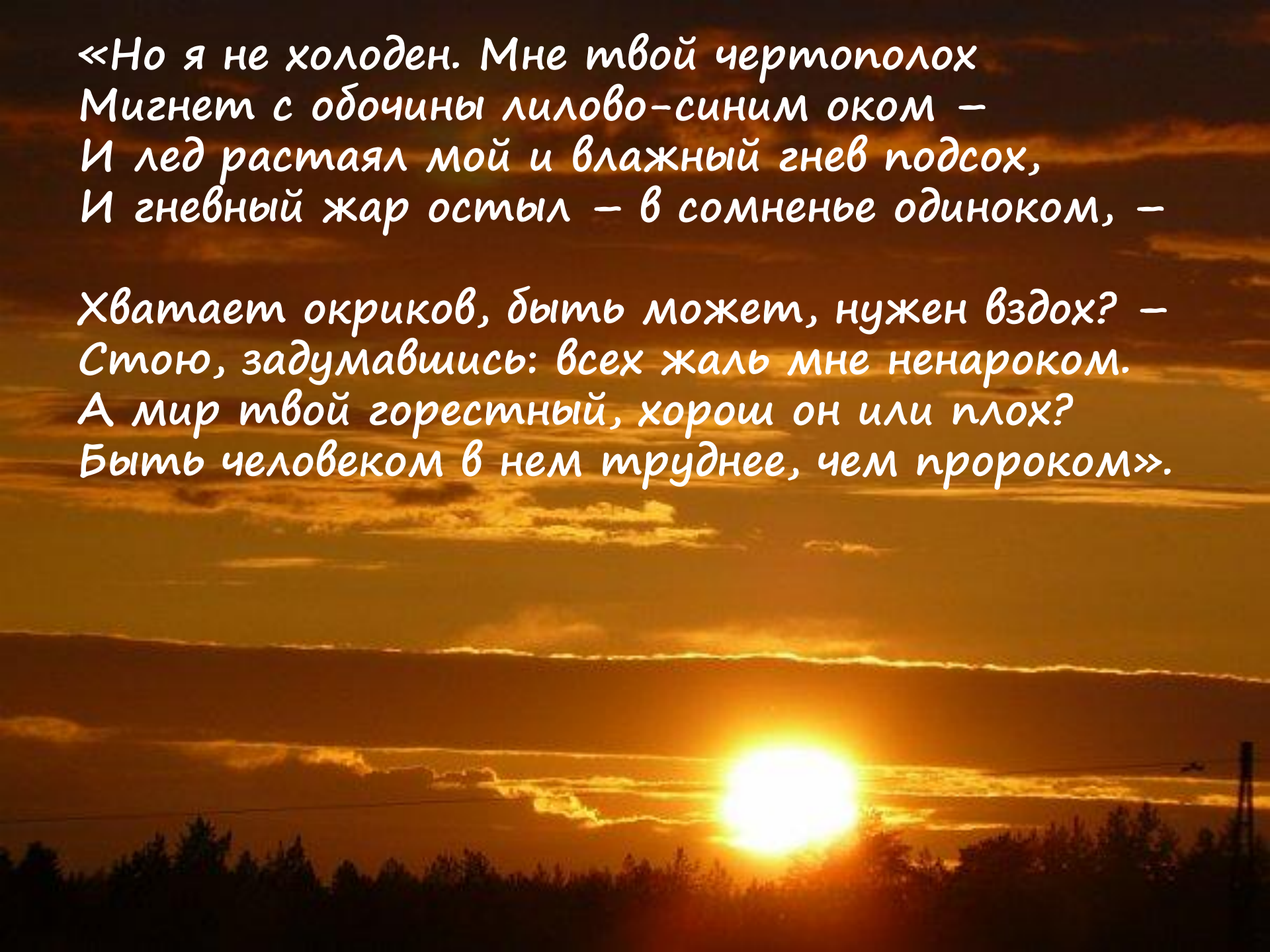
Дмитрий Быков

*«И третье, видимо, нельзя тысячелетье
Представить с ямбами, зачем они ему?
Всё так. И мало ли, о чем могу жалеть я?
Жалей, не жалуйся, гори, сходя во тьму».*

«Спасти мир поэзия не может. Против терроризма или атомной бомбы она бессильна. Однако стихотворная строка — великое утешение, которое помогает людям жить. Стихи — это аккумулятор, батарея, от которой мы все получаем энергию. В этом смысле поэта можно сравнить со священником».

Александр Кушнер

«Но я не холоден. Мне твой чертополох
Мигнет с обочины лилово-синим оком –
И лед растаял мой и влажный гнев подсох,
И гневный жар остыл – в сомненье одиноком, –
Хватает окриков, быть может, нужен вздох? –
Стою, задумавшись: всех жаль мне ненароком.
А мир твой горестный, хорош он или плох?
Быть человеком в нем труднее, чем пророком».

- *«Страх. Главный враг поэта». Полемические заметки Дмитрия Быкова о современной поэзии. – «Вечерняя Москва», - 9 июня 2005 года*
- *«Вопросы - ответы. Д. Быков - А. Кушнер. Знаменитый поэт об испытаниях, страстях и открытиях – Беседовал Дмитрий Быков 14.04.2010*
- *Кушнер А. Стихотворения: Четыре десятилетия. М., 2000*
- *Кушнер А. Избранное. (Предисл. И.А. Бродского). СПб, 1997*
- *Александр Кушнер. Персональный сайт. <http://kushner.poet-premium.ru>*